

ЯВЛЕНИЕ КОНВЕРГЕНЦИИ В АНТРОПОНИМИИ

Ю. ЮРКЕНАС

1. 1. Главной функцией собственных имен (СИ) является функция индивидуализации-идентификации.

СИ являются вторичными названиями, возникшими на базе апеллятивной лексики. „Как путем субстантивации не только все части речи, но и фрагменты текстов – различные словосочетания – могут превращаться в существительные с функцией субъекта или подлежащего, так и путем эйдонимизации все генонимы или генонимические фрагменты могут превращаться в эйдонимы, то есть элементы с индивидуализационной функцией“¹.

1. 2. На определенной стадии развития отношение СИ к апеллятивам может быть различным. Иногда слово находится где-то на грани между эйдонимической и апеллятивной сферами (информативное СИ). Во многих случаях СИ не имеет никакого соответствия в составе нарицательной лексики (сигнификативное СИ). Между этими двумя полюсами возможны переходные случаи. Когда смуглого человека называют *Черняком*, то данное слово следует рассматривать как информативное СИ, как слово, находящееся на грани между апеллятивной и эйдонимической сферами (функция прозвища). Когда слово *Черняк* выступает в качестве современной фамилии и ее носителем является белокурый человек, оно находится где-то в переходной зоне между информативными и сигнификативными СИ, причем значительно ближе к последним. Здесь еще не утрачена формальная связь с общеизвестным мотивирующим апеллятивом, но семантическое содержание последнего почти сведено на нет. Все то, о чем сигнализирует корневая морфема *черн-* в составе нарицательной лексики, уже неприложимо к носителю соответствующего СИ.

Примерами сигнификативных СИ могут служить многочисленные литовские фамилии типа *Almonas, Burda, Butautas, Sirvydas* и т. д.

2. Антропоосновы индоевропейских народов, естественно, имеют формальные соответствия в составе и.-е. корней. И.-е. корни характеризуются весьма богатой омонимичностью. Явление омонимии заключается в том, что одинаково оформленные языковые сегменты различаются теми семантическими компонентами (конституэнтами, дифференциальными признаками), которые дают возможность данные элементы языка отнести к тем или иным классам понятий. Когда корень начинает функционировать в составе СИ, „связь с апеллятивом стремится к нулю“, происходит потеря информатив-

¹ Белецкий А. А. Лексикология и теория языкознания (ономастика). Киев, 1972, 168.

Термин „геноним“ использован в значении „нарицательное имя“ (греч. γένος „род“); термин эйдоним соответствует нашему СИ (греч. εἶδος „вид“).

ности. Все то, что давало возможность разграничивать корни-омонимы, сходит на нет. Следовательно, СИ, возникшие на базе разных корней-омонимов, по мере потери информативности сближаются вплоть до полного слияния в одну единицу (в случае, когда СИ становятся сигнификативными). Иначе говоря, при указанных обстоятельствах происходит процесс конвергенции изоморфных единиц.

СИ как слова, не осложненные теми семантическими компонентами, которые определяют апеллатив как экземпляр соответствующего класса понятий, сравнительно легко переносятся из одной диалектной среды в другую. По той же причине в новом языковом окружении эйдонимы легко адаптируются и довольно скоро начинают восприниматься как свои сигнификативные СИ. В антропонимии вполне возможно сближение и даже полное слияние двух сходных по форме сигнификативных единиц, одна из которых по своему происхождению является иноязычной, а другая возникла на базе нарицательной лексики своего диалекта.

3. Имеющиеся этимологии древних антропооснов построены главным образом на базе данных лишь одного индикатора (I_1), представляющего собой сопоставление формальной части антропоосновы с нарицательной лексикой данного языка (или языковой семьи) с целью определения сходного апеллатива. Этот традиционный исследовательский прием сам по себе целесообразен, однако данные такого анализа во многих случаях следует уточнить. На наш взгляд, необходимо применение дополнительного индикатора. Этим новым индикатором (I_2) может служить географическое и языковое распределение антропонимов. Этимологию антропоосновы, построенную на основе данных одного индикатора (модель формальных связей антропоосновы с нарицательной лексикой) следует сравнивать с этимологией, полученной в результате использования другого индикатора (модель формальных связей изучаемой антропоосновы с единицами антропонимических систем родственных народов). Таким образом, путем синтезирования и отбраковки ряда предварительных моделей должна быть построена окончательная модель. Такие исследовательские процедуры должны способствовать выявлению перехода антропооснов из одной диалектной среды в другую и определению возможных случаев конвергенции сходных по своей форме компонентов.

4.1. В качестве примеров предлагаем анализ нескольких антропооснов.

4. 2. Al-: лит. Al̃ys, Al-yt̃a, Al-iùk-as, Al-iùl-is, Al-iùš-is, Al-el-iónis, Al-el-iūpas, Al-en-evičius, Al-aūnē (?), Al-min-as, Aī-mint-as, Aī-mon-as, Aī-vik-as, Al-vin-as, топонимы: Ala-vin-iškiai (8 с, 389)², Al-vit-as (18 с, 429), в памятниках Al-iucz 1585 (1, 331), Al-iul-ia 1597 (16, 444), Ale-mira (1, 397), Ал-юл-я (1, 257), Ал- уисть 1585 (16, 272), Оль-герд (6, 54); др.-прусск. Alle-manne, Al-gard, Al-gaude, Al-wide, All-ete, All-icke (21, 131), лтш. Al-elle, Al-nen,

² Цифровое обозначение источников строится следующим образом: первая цифра является обозначением источника, все последующие указывают страницы; буква с правой стороны цифры, обозначающей источник, служит указателем тома (части) издания (а — первый том; b — второй том; c — третий том).

All-une, All-usz, All-wt, Alle-gar, Alle-wandt (7, 156, 278); герм. Alla, Al-ica, Al-iko, Ala-ger, Ala-gari, Ala-gart, Al-gautr, Ala-liub, Ala-man, Al-mer, Alarad, Ala-ricus, All-uid, Al-wih, Ala-win, Al-wini, Al-vith (11, 39–42, 63–64; 18, 6–14; 15, 64); кельт. All-o(n), Al-ēc-n-us, All-in-us, All-uc-ius, Aluus, Al-oune, Al-aun-ius, Alus, Alamonte, Al-vini-ācus, Al-vit-ius, Al-aes-ius, All-ont-ius, Al-enn-ius, Al-et-ius (14 a, 74–111); лат. Al-al-ius, Al-as-in-ius, Al-enn-ius, Al-aun-us, Al-en-us, Al-et-ius, All-on-ius (19, 598); польск. Al-man-us (?), Al-oc-onis (?), Al-um (?), Al-wiet-ko (?) (20, 29–31); фрак. Al-iul-a(s), Ἀλλος, Ἀλλουπορις (9, 13); малоазийск. Ἀλ-ιχ-η, Ἀλ-ίβ-η, Ἀλλους, Alus (23, 54–55); иллир. Al-as-in-ius, топоним Al-et-a (17, 140); венет. Allo, All-ec-n-us (22, 142)³.

Этимонем литовской антропоосновы *Al-* А. Салис считает гот. *alls* „весь“⁴. К. Кузавинис и Б. Савукинас сопоставляют данный компонент с лит. *aliai vienas* „каждый“ и с тем же готским *alls*⁵. Если лит. *aliai* является заимствованием из белорусского или польского языка (таким представляется данное слово Э. Френкелю)⁶, то эта лексема не может быть этимоном древней балтийской антропоосновы. Если *aliai* входит в тот же этимологический ряд, что и гот. *alls*, нем. *all* „весь, каждый“ (так думал К. Буга (8 с. 399)), то, возможно, имеется основание рассматривать это слово и антропооснову *Al-* как единицы одной и той же группы генетически родственных слов. Слово *aliai* в последнем случае не следует считать той единицей, на основе которой возникла антропооснова, а можно лишь воспринимать как осколок этимологического ряда, породившего исследуемый компонент. Готский апеллятив *alls*, разумеется, тоже не мог лечь в основу балтийского эйдонима, однако вполне возможно проникновение элементов германской антропонимии, имеющих известную связь с апеллятивом *alls*, на территорию, занимаемую балтийскими племенами.

В работах по германской антропонимике идет речь, главным образом, о двух основах: *Ala-* и *Ali-*. Первая из них возводится к гот. *alls*, которому придается значение смыслоусилительного элемента (*begriffssteigernde Bedeutung*) (11, 39–42; 18–6). Основа *Ali-* включается в этимологический ряд: гот. *aljis* „другой“, лат. *alius* „другой, иной“ и т. д. (11, 63–66; 18, 13)⁷. При анализе соответствующей скандинавской антропоосновы А. Янсен перечисляет целый ряд омонимичных корней, каждый из которых рассматрива-

³ Так как возможны многочисленные случаи диффузии антропооснов, то разграничение указанных единиц по их языковой принадлежности представляется весьма сложной задачей. Во избежание неточностей соответствующие группы здесь представляются так, как они изложены в имеющихся сборниках СИ. Так, например, древнепрусскими называются единицы, перечисленные в известном исследовании Р. Траутмана (21), к белорусским относятся имена, отраженные в списках Н. В. Бирн.ло (2) и т. д. Только кое-где вопросительным знаком указывается на то, что антропоним не характерен для данной антропонимической системы.

⁴ Salys A. Mūsų lietuviškieji vardai. — „Gimtoji kalba“ (Kaunas), 1933, p. 70.

⁵ Kuzavinis K., Savukynas B. Lietuvių vardų etimologinis žodynas. — Кн.: Vardai ir žodžiai, 1971, p. 53–55.

⁶ Fraenkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1962, S. 7.

⁷ Ср. также Kaufmann H. Ergänzungsband zu Ernst Förstemann Personennamen. München, 1968, S. 27, 30, 31.

ется как потенциально возможный этимон антропоосновы *Al-*. В частности, сюда относятся (а) тот же корень *all-* „весь, каждый“, (б) др. -сканд. *alu-* „защита, охрана“, (в) корень *al-* „расти, питать“ в др. -исл. *ala* „кормить“, лат. *alō* „питаю“ и т. д. (15, 63–64).

Наши наблюдения дают основание думать о том, что антропооснова *Al-* является продуктом древнеевропейской общности (alteuropäisch в терминологии Х. Краэ). Об этом свидетельствует прежде всего географическое распределение антропонимов, содержащих в своем составе этот компонент. Сравнительный анализ суффиксальных образований и древних сложных антропооснов, расположенных на данной территории, делает очевидным тот факт, что общность целого ряда единиц обусловлена не простой случайностью, а является результатом каких-то общих процессов образования или же, по крайней мере, продуктом контактирования племен. (См. схему 1 и список сходных композитов с компонентом *Al-* в функции первого члена собственно-го имени.)

Схема 1

Язык	Неослож- ненная основа	-l- суффикс	-n- суффикс	-k- суффикс	-s- суффикс	-t- суффикс
балт.	Al-ys	Al-iul-iis Al-ell-e	Al-en-(evičius) Al-enn Al-un-e Al-aun-ē(?)	Al-iuk-as Al-ick-ę	Al-iuš-is	Al-yt-a Al-et-e
кельт.	All-o(n)		Al-in-us Al-oun-e Alēc-n-us	Al-uc-ius *Al-ec-	Al-aes-ius	All-ont-ius Al-et-ius
герм.	Alla			Al-ic-a Al-ik-o		
лат.	Allius	Al-al-ius	Al-enn-ius Al-en-us Alas-in-ius Al-aun-us		*Al-as-	Al-et-ius
фрак.	Αλλος	Al-iul-a(s)				
иллир.			Alas-in-ius		*Al-as-	Al-et-a
венет.	Allo		Alec-n-us	*Al-ec-		

**Список сходных композитов с компонентом *Al-* в функции
первого члена СИ**

балт.	герм.		фрак.
Alle-gar	Ala-gari	—	—
Al-gard	Ala-gart	—	—
Al-gaude	Al-gautr	—	—
Ale-mira	Al-mer	—	—
Al-mon-as	Ala-man	Ala-monti	Al-mana
Al-wide	All-uid	—	—
Al-vin-as	Al-wini	Al-vini-ācus	—
Al-vik-as	Al-wih	—	—
Al-vit-as	Al-vith	Al-vit-ius	—

За длительное время функционирования в качестве антропоосновы под влиянием существенных перемен в окружающей среде и в результате соприкосновения с другими антропоосновами были почти неизбежны соответствующие изменения: (а) переход целого ряда единиц из одной среды в другую; (б) конвергенция изоморфных элементов разных антропонимов; (в) влияние культурно-исторических факторов и т. д.

Христианизация влекла за собой появление множества новых антропонимов. Согласно одному из важнейших законов развития антропонимии, *формальное сходство отдельных форм, возникших на базе разных сигнификативных антропонимов, как правило, влечет за собой процесс конвергенции*. Поэтому вполне закономерным представляется слияние собственных имен, возникших на базе древнеевропейского компонента *Al-*, и антропонимов, образованных от сокращенных форм христианских имен типа *Александр* (< греч. 'Αλέξανδρος), *Алексей* (< греч. 'Αλεξίς) и т. п. Так, например, антропоним *Al-ŷs* может рассматриваться и как реликт древнеевропейской эйдониимии, и как сокращенная форма христианских имен указанного типа. Вполне возможно и то, что антропоним *Al-ŷs* на определенном этапе развития литовской антропонимии выступал в качестве представителя одновременно двух компонентов — старого языческого *Al-* и новых христианских имен, начинающихся сочетанием *Al-*.

Антропоним типа лит. *Alekna*, блр. *Олехно*, польск. *Olechno* в ономастической литературе обычно рассматривается как сокращенно-суффиксальное образование от христианских имен типа *Александр* (ср. 2, 23—24). Антропоним *Alecnus*, представленный в списках кельтских и венецких материалов, дает основание думать о том, что в данном случае тоже вполне допустима конвергенция старого эйдониима и новых христианских собственных имен. Иначе говоря, здесь можно предположить влияние старых традиций, стремление примирить вытесняемое старое и насильно насаждаемое новое.

Наличие ряда СИ типа лит. *Alaunė*, кельт. *Aloune*, лат. *Alaunus* как будто свидетельствует о древнеевропейском происхождении указанных единиц или же, по крайней мере, указывает на то, что на территории с балтийским населением данный эйдоним был занесен с запада позже. Тот факт, что этот антропоним иногда по-русски писали *Головня*⁸, дает основание думать о

⁸ Ср. *Alauniā*... — Daūgailiņ par. pavardē, rusiškai rašoma *Головня* (8с, 388).

возможности конвергенции двух эйдонимов — старого древнеевропейского и нового славянского апеллятивного СИ.

Если *A* есть множество антропонимов, содержащих в своем составе древнеевропейскую антропооснову *Al-*, а *B* есть множество эйдонимов, возникших на базе христианских имен типа *Александр* и т. п., то сходные по форме элементы можно представить в виде пересечения множеств: $A \cap B$.

4. 3. **AUD-**: лит. *Aud-avičius, Aud-ak-aitis, Aud-ėn-is, Aud-ar-as*, топоним *Aud-iniai*; лтш. топонимы *Aūda, Aūdēns* (10, 49–50); др.-прусск. топонимы *Awde, Auda* (12, 13); герм. *Auda, Audo, Audac, Audila, Audo-bert, Auda-gar, Aude-mar, Ade-mund, Aud-win* (11, 162–179), *Audeca, Audo-lena, Aud-uin* (18, 36–37); кельт. *Audacius, Audasius, Audatius, Aūdīnus, Audos, Audotus* (14, 283–285); лат. *Audacilius, Audasius, Audeius, Audenius, Audius* (19, 601); иллир. *Audō-leōn, Audata, Audarus* (17, 141); польск. *Awdan* (?) (20, 71), др.-русск. *Овдух* (?) (3, 226), *Уда* (?) (3, 331).

В известных работах по германской антропонимике компонент *Aud-* обычно включается в гнездо родственных слов, возникших на базе герм. **auda-* „владение, имущество“ (11, 161; 18, 36). В. Порциг наряду с лексемами типа др.-сев. *audr* „богатство“, др.-англ. *ēad* „владение, благосостояние“ и т. п. к тому же этимологическому ряду относит компонент *Aud-* в германских личных именах *Audoberht Audowin* и т. д., а также соответствующий иллирийский компонент в эйдонимах *Audarus, Audata, Audoleon*. Основой указанного гнезда генетически родственных слов В. Порциг считает и.-е. корень **audh-* „связывать“, приобретающий в балтийских языках значение „ткать“⁹ (ср. лит. *aušti, praet. aūdė*).

Территория распространения данной антропоосновы представляет собой цельное (беспрерывное) пространство. Данное пространство относится к так называемому древнеевропейскому ареалу. Поэтому вполне допустима общность происхождения компонента *Aud-*, выступающего в целом ряде антропонимических систем. Вышеуказанный этимологический ряд, построенный на базе предполагаемого и.-е. корня **audh-*, представляется возможным источником, породившим данную антропооснову. В балтийских языках нам не известен другой подходящий этимон.

Центром скопления единиц, содержащих в своем составе антропооснову *Aud-*, является германский ареал (ср. многочисленные примеры в сборнике Э. Фёрстемана (11, 161–179). Сопоставление этого компонента с нарицательной лексикой германских языков, проведенное исследователями германских ономастических материалов, ведет к тому же источнику.

Косвенным указателем на общность происхождения хотя бы какой-то части эйдонимов, сохранившихся в разных языковых группах и содержащих в своем составе компонент *Aud-*, может служить схема суффиксальных образований (схема 2). Здесь привлекает наше внимание наличие в литовской эйдонимии весьма интересных единиц: они содержат в своем составе очень редкие для литовского языка и, в частности, для литовской антропонимии

⁹ Порциг В. Членение индоевропейской языковой общности. М., 1964, с. 194.

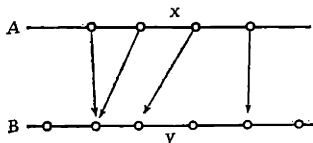
Язык	Неослож- ненная основа	-i- суффикс	-n- суффикс	-k- суффикс	-r- суффикс	-s- суффикс	-t- суффикс
балт.	Aud-(avičiūis)		Aud-en-is Aud-in-iai	Aud-ak-(aitis)	Aud-ar-as		
герм.	Auda	Aud-il-a		Aud-ac Aud-eca			
кельт.	Aud-os		Aud-in-us	Aud-ac-ius		Aud-as-ius	Aud-at-ius Aud-ot-ius
лат.	Aud-ius	Audac-il-ius	Aud-en-ius	*Aud-ac-		Aud-as-ius	
ит.лр.					Aud-ar-us		Aud-at-a

суффиксы *-ak-*, *-ar-*¹⁰ и имеют явные ономастические параллели в некоторых других антропонимических системах.

Реликтом древней антропоосновы в славянской эйдонимии может быть древнерусское *Уда*. Польск. *Awdan* и др. -русс. *Овдух* могут рассматриваться лишь как единицы, попавшие в славянскую антропонимическую систему позже, после завершения процесса монофтонгизации дифтонгов. Следует иметь в виду и то, что на территории, где в период после монофтонгизации дифтонгов происходило смешение славянского населения с балтийским (Верхнее Поднепровье и некоторые другие районы современной Белоруссии и т. п.), а также там, где после христианизации имели место усиленные балто-славянские контакты, была возможна конвергенция указанной древней антропоосновы и христианских канонических имен восточной церкви типа *Авдей* (<др. -евр. *'Ōbadiāh*).

Судьбу эйдонимов с компонентом *Aud-* на восточнославянской почве или в зоне усиленных балто-восточнославянских контактов можно представить в виде отображения множества древнеевропейских единиц во множество производных от христианских имен типа *Авдей*. Если *A* есть множество антропонимов, содержащих в своем составе древнеевропейский компонент *Aud-* (<**audh-*), а *B* — множество единиц, имеющих в своем составе *Aud-* (<*Авдей*), то каждому элементу $x \in A$ будет поставлен в соответствие определенный элемент $y \in B$. Иначе говоря, в известном смысле y можно рассматривать как образ элемента x при данном отображении $f(A \xrightarrow{f} B)$.

¹⁰ Ср. Skardžius P. Lietuvių kalbos žodžių daryba. V., 1941, p. 125, 302–303.

Элементами такого множества (*B*), порожденного христианским именем *Авдей* и осложненного проекцией множества антропонимов (*A*), содержащих в своем составе древнеевропейский компонент *Aud-*, могут быть единицы *Авдей, Авда, Авдюня* (5, 34), *Аўдзей, Аўдзенья* (2, 17) и т. д.¹¹

4. 4. SAL-: лит. *Sala, Sal-en-is, Sal-ik-as, Sal-in-is, Sal-ink-a, Salÿs, Sal-iūnas, Sal-iut-is, Sal-man-aitis, Sal-mon-as, Salo-min-as, Sal-min-as, Sál-min-is*, в письменных памятниках *Sol-ok* 1563 (16, 680), *Sol-us* 1598 (16, 497), Солкирд-овичь 1528 (4, 84), Солтовт-овичь 1528 (4, 225); др.-прусск. *Sal-anx, Sale, Sal-eyde, Sal-icke, Sal-uke, Sal-ucine* (21, 85); лтш. *Sal-ack, Sall-ax, Sall-asz, Sall-eische, Sall-ene, Sall-yn, Sal-it, Sal-me, Sall-ouwe, Sal-sche* (7, 240), *Sal-anck, Salla-gal, Sall-inge* (7, 307); герм. *Salo, Sallo, Salaco, Salaho, Salico, Saleco, Salcho, Salado, Salinga, Saletho, Saliso, Salme, Sala-bald, Sala-gast, Sala-man. Sal-man* (11, 1067–1070), *Sala-mirus, Salia, Sali* (этноним) (18, 197); кельт. *Salama, Salanius, Salarus, Salasius, Salisius Salius, Sallonius, Salluca, Sallus, Salmo* (14 b, 1298–1317); лат. *Salarius, Salasius, Salenus, Salisius, Salius, Sallius, Sallinius, Sallonius, Saluta, Salutius* (19, 621); фрак. *Σαλας, Σαλλας* (9, 412); малоаз. *Σαλας, Σαλης, Σαλαμας, Σαλμας, Σαλα-μων* (?) (23, 451); иллир. *Sallas* (17, 144); др.-русск. Салар-евы, Сал-ов, Сал-ман, Сал-ман-ов, Соло-ман-ов (?) (3, 277, 278, 296). блр. Саль-ман (2, 143), польск. *Sala, Saliga, Sałaj* (13, 129).

В работах по германской ономастике соответствующая антропооснова включается главным образом в этимологический ряд: др. -сев. *salr*, д. -в. -н. *sal*, др.-сакс. *seli* „дом, зал“ и т. д.¹² Польские антропонимы *Sala, Saliga* Т. Голембёвска считает сателитами имени *Salomea* (13, 129). В списках литовских личных имен, составленных К. Кузавинисом и Б. Савукинасом, отмечены единицы *Sālė, Salÿs, Salmas*, которые рассматриваются как сокращения христианских имен *Salomea, Salomon*¹³. Использование I_2 (арельное исследование) дает основание думать о том, что антропооснова *Sal-* по своему происхождению относится к дохристианским „древнеевропейским“ единицам. Об этом свидетельствует (а) наличие сложных имен дохристианского образца (главным образом в балтийской и германской антропонимии), (б) структура суффиксальных образований (см. схему 3).

¹¹ Указанные имена здесь рассматриваются не как единицы речи, а как факт языка, т. е. не как эйдонимы, прикрепленные к определенным лицам, а как „развоплощенные“ собственные имена, как единицы антропонимической системы, обслуживающей непрекращающийся процесс называния в рамках данного коллектива.

¹² Ср. Kaufmann Н. Указ. соч., с. 301.

¹³ Kuzavinis К., Savukynas В. Указ. соч. с. 133.

Язык	Неуслож- ненная основа	-k- суффикс	-n- суффикс	-m- суффикс	-r- суффикс	-s- суффикс	-t- суффикс
балт.	Sala Salys	Sal-ik-as Sal-ack Sol-ok Sal-uk-e	Sal-en-is Sall-en-e Sall-yn	Sal-m-e			Sal-iut-is
герм.	Salo	Sal-ac-o Sal-ah-o Sal-ic-o Sal-ec-o		Sal-m-e		Sal-is-o	Sal-eth-o
кельт.	Sallus Sal-ius	Sall-ūc-a	Sal-an-ius	Sal-m-o Sal-am-a	Sal-ar-us	Sal-as-ius Sal-is-ius	
лат.	Sall-ius Sal-ius		Sal-in-ius Sal-en-us Sal-in-ius		Sal-ar-ius	Sal-as-ius Sal-is-ius	Sal-ut-ius
фрак.	Σαλας						
мало- аз.	Σαλας			Σαλ-αμ-ας Σαλ-μ-ας			
ит.лир.	Sallas						
слав.	Sala				Сал-ар-евы		

Представляют интерес параллельные формы: лит. *Sal-man-aitis* / *Sal-mon-as* || герм. *Sala-man* / *Sal-man* || др.-русск. *Сал-ман* / *Соло-ман-ов* || малоазийск. Σαλα-μων (?).

Поиски изоморфной балтийской апеллятивной основы, которая могла бы служить отправным пунктом при определении происхождения компонента *Sal-*, не дают однозначного ответа. Одной из единиц, которые могут иметь отношение к генезису данного компонента, представляется лит. диалектное слово *salà* „село“, входящее в тот же этимологический ряд, что и гнездо родственных слов (др. -сев. *salr*, д. -в. -н. *sal* и т. д.), используемое при толковании соответствующей германской антропонимии. Не исключена возможность того, что хотя бы некоторые антропонимы, содержащие в своем составе компонент *Sal-*, могли возникнуть на базе этимологического ряда, представлен-

ного в словаре Э. Френкеля под рубрикой *salā* „остров“¹⁴ (например, антропоним *Salinis* может быть истолкован как „житель острова“). Интересной параллелью здесь является приведенный Х. Краз список гидронимов с основой *Sal(a)-* и схема их суффиксальных образований (*Typologische Übersicht*)¹⁵.

Вполне возможно, что основой образования антропоосновы *Sal-* послужил не один источник. Позже изоморфные компоненты, возникшие из нескольких источников, в результате конвергенции консолидировались в одну сигнификативную единицу. В отдельных случаях было возможно вторичное сближение с какими-то апеллятивами того языка, носителями которого использовался данный эйдоним в качестве единицы антропономической системы.

Становление онимии протекает иным путем, чем развитие нарицательной лексики. В тех случаях, когда процесс формирования соответствующего слоя антропонимии и состояния используемого для сравнения лексического состава языка разделены значительным промежутком времени, попытки отображения единиц древней антропонимии во множество нарицательных лексем этого нового состояния данного языка представляют собой главным образом попытку построения искусственной модели формальных связей, не имеющей почти ничего общего с генезисом эйдонимов.

Волна христианских имен тоже сыграла роль, многие аспекты которой до сих пор не получили должного отражения в ономастической литературе. Освоение нового сигнификативного имени происходит не только посредством его механического включения в состав антропонимической системы, но и путем сближения с имеющимися сходными антропонимами вплоть до полного попадания старых единиц в орбиту нового в том или ином отношении сходного эйдонима.

Представляется почти неизбежным пересечение множества антропонимов (С), содержащих в своем составе древнеевропейский компонент *Sal-*, и множества эйдонимов (D), возникших на базе христианского имени *Salomon* (< др.-евр. *šālōm* „мир“): С ∩ D.

По своей словообразовательной структуре антропонимы могут в значительной мере отличаться от апеллятивов. В их образовании возможны необычные для нарицательной лексики способы: всевозможные сокращения, усечения, необычные способы выражения уменьшительности и ласкательности, взятые и принятые взрослыми у детей и т. п. (ср. хотя бы тот антропонимический словообразовательный прием, которым обусловлена пара *Александр* → → *Са-ша*). Сам факт существования в антропонимии необычных способов словообразования способствует объединению в одну группу разных по происхождению единиц, характеризующихся хотя бы частичным сходством.

5. Переплетение элементов разного происхождения является серьезным препятствием в изучении антропонимического материала. Попытки сопоставления антропоосновы и какого-то апеллятива, а также указание на

¹⁴ Frankel E. Указ. соч., с. 758.

¹⁵ Krahe H. *Sprache und Vorzeit*, 1954, S. 50, 51, 58.

Слово *salā* и основа указанных Х. Краз гидронимов с компонентом *Sal-* обычно вводятся к ряду генетически родственных слов типа лит. *salti* „течь“ (8b, 305).

связь с известным эйдонимом иноязычного происхождения во многих случаях отражает лишь одну деталь того сложнейшего явления, каким представляется пересечение нескольких рядов разных по происхождению и по времени появления, но сходных по форме антропонимов.

Л и т е р а т у р а

1. Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею. Т. XIV. Инвентари именей XVI столетия.
2. Бірыла Н. В. Беларуская антрапанімія. Мінск, 1966.
3. Веселовский С. Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М. 1974.
4. Литовская метрика. Отд. I, ч. 3. Переписи войска Литовского. Петроград, 1915.
5. Петровский Н. А. Словарь русских личных имен. М., 1966.
6. Хроника Выховца. М., „Наука“, 1966.
7. Blese E. Latviešu personu vārdu un uzvārdu studijas. Rīgā, 1929.
8. Būga K. Rinktiniai raštai. T. I–III. V., 1958–1961.
9. Detschew D. Die thrakischen Sprachreste. Sofia, 1957.
10. Endzelins J. Latvijas PSR vietvardi. T. I. Rīgā, 1956.
11. Förstemann E. Altdeutsches Namenbuch. Bd. 1. Nordhausen, 1956.
12. Gerullis G. Die altpreussischen Ortsnamen. Berlin und Leipzig, 1922.
13. Gołębiowska T. Antroponimia Orawy. Kraków, 1971.
14. Holder A. Alt-celtischer Sprachschatz. I–III. Leipzig, 1896–1907.
15. Janzen A. Personnaen. Stockholm, 1947 (Nordisk Kultur, Bd. VII).
16. Jablonskis K. Istorijos archyvas. K., 1934.
17. Krahe H. Lexikon altillyrischer Personennamen. Heidelberg, 1929.
18. Schönfeld M. Wörterbuch der altgermanischen Personen- und Völkernamen. Heidelberg, 1965.
19. Schulze W. Zur Geschichte lateinischer Eigennamen. Berlin, 1904.
20. Słownik staropolskich nazw osobowych. T. I. Wrocław – Warszawa – Kraków, 1965–1967.
21. Trautmann R. Die altpreussischen Personennamen. Göttingen, 1925.
22. Untermann J. Die venetischen Personennamen. Wiesbaden, 1961.
23. Zgusta L. Kleinasiatische Personennamen. Prag, 1964.

DIE KONVERGENZ IN ANTHROPONYMIE

J. JURKĖNAS

Zusammenfassung

Die Eigennamen werden hauptsächlich als Unterscheidungszeichen gebraucht. Sie haben keine semantische Komponenten (semantische Differenzmerkmale), die das Appellativum als ein Exemplar einer Gattung bezeichnen. Deswegen die Ähnlichkeit oder Identität der Eigennamen führt zu einem Zusammenfluß.

Im vorliegenden Artikel ist die Frage über die Konvergenz (Annäherung) der ähnlichen oder identischen Personennamen erörtert.